

«ОТЦЫ И ДЕТИ»: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ ОТЦА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

М.А. ГУЛИНА*,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
СИТИ Университет, Лондон, Великобритания,
marinagulina@mail.ru

Н.Л. ВАСИЛЬЕВА**,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ninavasilyeva@yandex.ru

Проведен анализ роли отца в развитии ребенка. Представлен психоаналитический взгляд на стадии развития ребенка. Описаны клинический случай и история психоаналитического лечения пациента. Ряд современных идей относительно роли отца в развитии ребенка инкорпорированы в клинический материал. Рассмотрены функции и особенности роли отца на разных фазах развития ребенка: симбиотической, практикования и сближения—удаления. Описаны феномен чужеродной (насильственной) идентифика-

Для цитаты:

Гулина М.А., Васильева Н.Л. «Отцы и дети»: психоаналитический взгляд на роль отца в развитии личности ребенка // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 151—168. doi: 10.17759/cpp.2018260410

* Гулина Марина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор школы искусств и социальных наук, факультет психологии, СИТИ Университет, Лондон, Великобритания, e-mail: marinagulina@mail.ru

** Васильева Нина Леонидовна, доктор психологических наук, профессор кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей, факультет психологии, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ninavasilyeva@yandex.ru

ции и его возможные последствия. Подчеркнута роль родителей как пары в ситуации Эдипального треугольника, даны предпосылки к психологически здоровому отцовству (как со стороны личности отца, так и на уровне семейной пары).

Ключевые слова: ранняя триангуляция, сепарация, отцовская функция, материнская депривация, ментализация, чужеродная идентификация, нарциссический родитель.

В статье М.А. Гулиной «Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе» [1] был предложен обзор различных теоретических концепций, созданных психологами и психоаналитиками относительно места, роли и функций отца в становлении общества и личности. Данная статья является продолжением этой темы, но уже в ее клиническом ракурсе.

«Луана» (*псевдоним: все имена изменены*) — молодая женщина 24 лет, виолончелистка, студентка престижного музыкального колледжа в Лондоне. Ее муж, очень известный музыкант, позвонил психоаналитику, узнав телефон от знакомых коллег. У Луаны случился острый психотический эпизод, ее госпитализировали в Лондоне, а затем они с мужем уехали на ее родину в Бразилию, где живут ее родители, и там ее лечил медикаментозно местный психиатр. Она начала говорить об этом психотическом эпизоде только после года анализа (3 раза в неделю на кушетке). Она рассказала, что во время этого эпизода она видела своего мужа как дьявола; она чувствовала, что она мертва; что ее колени гниют. Чтобы окончательно умереть, она перестала есть. Она также чувствовала, что ей лучше стоять на коленях, чем на ногах. Она все время хотела просить прощения у окружающих, потому что чувствовала свою глубокую вину. Она принимала оланзапин в течение года лечения у психиатра.

Она боится людей, включая друзей-музыкантов. В процессе терапии она начала понимать, в какой степени она стремится радовать людей. Она также боится, что мужчина может напасть на нее на улице, и она не уверена, что у нее будет достаточно сил сопротивляться, но она постоянно думает, как она должна себя вести в такой ситуации. Она не может принимать никаких похвал от коллег и учителей, но она очень хочет дать концерт в своей стране, чтобы доказать, что она хороший и успешный музыкант. Она хочет доказать это некоторым своим коллегам на родине, которые травили ее в прошлом, когда она играла в симфоническом оркестре страны.

Когда она дома одна — а ее муж проводит довольно много времени за границей, давая концерты в Америке и Европе — она может чувствовать, что в комнате еще кто-то находится. Когда она начала терапию, то стала замечать, что ее выражение лица не находится полностью под ее

контролем и иногда какая-то странная, неприятная маска пытается себя показать. После года анализа она начала давать концерты в Англии с симфоническим оркестром как солист, но она испытывала ежедневные муки, принуждая себя заниматься: «каждый мой палец не хочет играть». Она начала думать о прекращении обучения в колледже и, возможно, занятий музыкой вообще.

После полутора лет терапии и перерыва на три недели на Рождество произошел новый тревожный приступ, который был немного сходен с первоначальным эпизодом. Этот второй приступ случился, когда ее муж вернулся домой с гастролей. Однако в этот раз она видела, что ее симптомы являются реакцией на его поведение. Она также могла сознательно контролировать свое поведение, например, ей опять хотелось стоять на коленях и просить у кого-то прощения, но она понимала, что «это расстроит мужа», поэтому она ушла в ванную комнату и стояла на коленях там. Тем не менее, она была так растеряна из-за нового приступа, что забыла о сессии на следующий день, хотя до этого была очень пунктуальна. Когда она пришла на сессию, то рассказала, что у нее есть постоянное ощущение, что «маленький черный человек постоянно бросает большой камень в ее голову, и ее голова каждый раз совершенно расплющена, только кровавые куски ее шеи остаются на плечах».

История

Луана — единственный ребенок в семье. Ее отец — очень известный в стране музыкант, а мать работает в колледже. Она начала играть на виолончели в пять лет, ее отец был ее единственным учителем и был очень строг: во время уроков он кричал на нее. Луана много плакала в детстве. Мать была непредсказуема и ожидала, что дочь будет чувствовать то же, что и она. Например, Луана говорила, что когда ее мать была расстроена, она сердилась на девочку и чувствовала себя лучше, только когда дочь начинала плакать.

Через почти полтора года после начала терапии, но до второго приступа, Луана вспомнила, что она провела свое раннее детство не с родителями, а со своей бабушкой по материнской линии. Бабушка смотрела за ней, но не разговаривала с младенцем. Осознав это, Луана спросила родителей, как долго она оставалась с бабушкой, и получила два ответа: что она вернулась к родителям, когда ей был год, и что она вернулась, когда ей было три года. Оба ответа были, по ее словам, «неуверенные». В детстве она почти всегда боялась обоих родителей, но по-разному: она всегда чувствовала жалость, думая о своем отце, «потому что он был очень одинок». Она восхищалась своей матерью, когда была совсем ма-

ленькой, но потом это изменилось. Дети не играли с ней во дворе, потому что она была «очень медленная». После окончания школы она стала играть в оркестре, потом вышла замуж и переехала в Лондон учиться музыке дальше. Вначале она много говорила о том, как ее травили и преследовали некоторые друзья из оркестра на родине. Ее муж стал ее вторым учителем музыки, и по ее словам, он был очень хорошим учителем. Тем не менее, она часто говорила о своем подавленном настроении и депрессии. Ей также трудно справляться с учебной нагрузкой в колледже. В начале терапии она думала о том, чтобы оставить это образование, но постепенно стала справляться лучше и лучше. За ее успехи ее освободили от оплаты за обучение и даже назначили стипендию. Она все время чувствовала вину, что платила за терапию деньгами мужа, и когда получила стипендию, то стала платить из этих денег, чему была очень рада.

Она очень много записывает: свои мысли, наблюдения, сны. Иногда она приносит свой дневник на сессии, иногда читает что-то из своих записей. Иногда записывает что-то в блокнот на сессии, лежа на кушетке. Она много читает книг по философии и психологии и на удивление хорошо помнит то, что психоаналитик говорил на сессиях.

Сновидение 37

(спустя 8 месяцев после начала анализа, до второго эпизода)

«В доме гости, но среди них есть убийца. Я вдруг вижу его, у него такой цветной костюм. Он преследует мою подругу, но я ничего не делаю с этим. Позже он подходит ко мне и говорит, что я тоже в его списке. И пара других людей тоже в этом списке. Я спрашиваю, можно ли мне выкурить одну сигарету, и он позволяет. Потом этот убийца становится женщиной, блондинкой. Все люди смотрят на меня, им жаль, что он меня поймал. Я надеюсь получить какую-то помощь, потому что есть группа людей в коридоре, и они идут на помощь. Я притворяюсь, что я все еще курю, ожидая их, но убийца замечает, что сигарета докурена, и она стреляет три раза в мое лицо. Я просыпаюсь и думаю, что я все-таки жива, мой дух жив. Чувствую спокойствие: я была застрелена, но все равно жива».

Фрагменты сессий

Сессия № 136

(период до второго приступа).

Луана. Вчера я чувствовала себя очень печально, я была очень маленькой девочкой. Начала играть на виолончели. Вы как-то сказали, что искусство происходит из страдания. Может быть, я перестану играть,

если перестану страдать? Такая мысль пришла ко мне. У меня был короткий сон: я вся покрыта какой-то огромной массой, на которой толстый слой пыли. Эта масса не движется, как будто она осталась после моих родителей, и она не настоящая, она покрывает какую-то суть. Она похожа на пластилин, но твердая, и она покрывает всю меня, и никто не может меня видеть.

Свободные ассоциации. Сейчас я чувствую, что ее можно снять. И тогда какой-то ветер начнет дуть. Но ведь это мое тело.

Психоаналитик. Что вы чувствуете?

Луана. Сильную печаль.

Психоаналитик (молчит, ожидая пояснений).

Луана. Печаль, что я не справляюсь со своей жизнью. Во мне есть «я хочу» и «я должна». «Я хочу» похоже на недоразвитое животное, а «я должна» похоже на жестокое животное. И я мечусь: я либо над кем-то, либо под ним. И то, что ведет меня по жизни, — не обязательно я.

Психоаналитик. Вы чувствуете это сейчас, здесь?

Луана. Вы не осуждаете меня. Но это как будто я рисую картинку поверх вас. Моя мама была такой феей для меня, но она была не моя. Между нашими сердцами не было связи. Доверие, безопасность, спокойствие — этого не существовало. И это — как дорога, которую вы выбрали по ошибке: вы так долго шли по этой дороге, что она стала вашей. (После длинной паузы.) Думаю, то, что я была заперта (заключена) в пластине, было защитой, но от чего?

Сессия № 182

(пять месяцев после второго приступа).

Луана. Закончился конкурс квартетов. Мы не победили, но получили хорошие отзывы. Альтист был очень огорчен. Я — нет. Два или три дня назад я чувствовала боль в груди, это продолжалось три—четыре дня. Я думаю, что это не связано с конкурсом. Это так странно, что душа может вызывать физическую боль. Это как будто я плачу внутри себя. Думая о себе, я поняла, что наиболее сильные вещи приходят из прошлого. Родители в прошлом подавляли мою свободу, и я справлялась с этим, я научилась подавлять сама себя. Они также очень много требовали от меня, но я играла совершенно без вдохновения. Они говорили, что другие девочки играют «с темпераментом». Родители требовали силы от меня. Они как будто связали меня, но критиковали, что я не могу ходить нормально. Это невозможно — быть свободной в игре, если вашу волю подавляют. И еще одна вещь: я всегда, изо всех сил старалась удовлетворить других людей, но я так и не получила их любви. И это глупо, потому что единственное, что мне нужно, это полюбить себя.

Психоаналитик. Как вы увидели это?

Луана. Это заняло шесть часов. Когда я заметила, что боль в груди прошла, я перестала страдать. И я стала думать: ведь эта боль была четы-ре дня. Что с ней случилось? Это как будто я была маленьким деревом, на меня навешали каких-то металлических штук, и они вросли в меня. Я увидела эту картинку и поняла, что она важная: что какие-то железные части можно убрать, и тогда даже маленькие цветочки могут начать расти на дереве. У меня был странный сон. Марк (*муж*) и я убегаем от моих родителей, прибегаем на бабушкин огород и там смеемся, что мы убежали от них. Но вдруг нас захватывает мафия, потому что мы нежеланные свидетели. Они сажают нас на землю и льют на нас бензин. Дело в том, что вокруг есть маленькие дачи, и под одним из домиков есть труп. Мы знаем о нем. Марк говорит: «Не бойся» и целует меня в губы. Я чувствую настоящее счастье во сне. Я верю тому, что он сказал, несмотря на мой страх умереть. Но я хочу убежать прочь, выжить (конец сна). На следующий день я думала, что мне очень повезло в жизни: он платит за все, мне не нужно работать, он пишет эссе за меня. Если я буду без Марка, я буду «без ног и рук».

Психоаналитик. У вас есть какие-то ассоциации вокруг сна?

Луана. Что мафия — это мое наказание: «жизнь тебя накажет» (*так говорили ее родители в детстве*). Я до сих пор боюсь показать себя, потому что это приведет к чему-то нехорошему.

Психоаналитик. И этот труп во сне — это ваш психотический эпизод, который надо спрятать?

Луана. Да, я умирала, я хотела умереть.

Психоаналитик. Но ведь этот труп на самом деле не умер, не так ли?

Луана (тихо). Нет.

Психоаналитик. И еще одно: этот сон напоминает ваш другой сон — об убийце, где вы тоже не пытались ничего сделать, чтобы остановить его или спасти себя и вашу подругу. Как будто вам нужно умереть, чтобы быть о'кей (нормальной).

Луана (тихо). Иногда я не могу даже поднять руку.

Сессия № 189.

Луана. Я постоянно хочу совершенствовать себя. Я боюсь, что я могу прожить свою жизнь неправильно. Это как не делать домашнее задание в школе. Мне нравится быть в анализе, но, может быть, я пытаюсь сделать себя совершенной и это как-то связано с моим приступом. На духовном уровне, я бы сказала. Но иногда я чувствую, что я бы хотела быть частью других людей. Я хотела бы делать простые вещи, и я расслабляюсь в такие моменты. Я потеряла себя, когда Марк стал учить меня игре. Я поняла, что он превосходный учитель. Я поняла: он научит меня играть по-настоящему, и я смогу научиться. Я испугалась, что я могу

быть плохой ученицей. И я немедленно начала приспособливаться к нему, печь блинчики. Я стала рабом.

Только один человек в моей жизни не обращался со мной, как с рабом: Улла, женщина в Симфоническом оркестре страны. Она всегда помогала мне. Она была буддисткой. Она была довольно холодна как друг, но заботилась о моей карме. Она никогда не обсуждала отношения в оркестре, но спрашивала о моих чувствах. Делала мне чай. Я сейчас вспомнила недавний сон о ней. Большое замерзшее озеро, посередине его — маленький, совершенно замерзший белый медвежонок. Я говорю Улле: «Смотри, смотри!». Она идет по льду, несмотря на то, что это опасно, и возвращается назад, на берег, с медвежонком. Огонь зажигается сам собой. Этот медвежонок — просто какой-то кусок льда. У Уллы шуба, и она заворачивается в нее с этим медвежонком. Мне нравится смотреть на них, но я спрашиваю себя: почему не я держу медвежонка? Несколькими минутами позже лед тает, и медвежонок становится маленькой собачкой. Эта собачка выглядела как пекинес.

Свободные ассоциации: Улла делала что-то такое, что я чувствовала, что я существую. Больше никто. Теперь мне кажется, что этот сон был обо мне, но я так не чувствовала, когда видела его. И этот медвежонок был очень красивый, а собачка мне не понравилась.

Психоаналитик. Это выглядит, как дилемма: приспособиться или умереть в одиночестве.

Луана. Несколько дней назад я расшифровала одну вещь, которая связана с моим приступом. Я много плакала в прошлом. Отец всегда проклинал меня, но я так старалась, изо всех моих сил! Он обвинял меня. И тогда мне вдруг пришло в голову, что я могу сойти с ума.

Психоаналитик. Ребенок может многое приносить в жертву своим родителям, даже свое душевное здоровье.

Луана. И что у него тогда остается?

Обсуждение клинического материала: отцовская функция в развитии ребенка и в терапевтических отношениях

В психоаналитической литературе традиционно много внимания уделяется проблеме «хорошей» или хотя бы «достаточно хорошей» (знаменитое выражение Винникотта) матери. Однако все чаще поднимается вопрос о том, что быть и «достаточно хорошим» отцом — серьезное достижение для мужчины. Например, предполагается, ожидается, а иногда и предписывается, что отец ребенка должен разделять с женой ее чувства по поводу их дитя. С самого начала беременности мать обычно очень сильно вкладывается эмоционально в ребенка. Многие матери очень

тревожатся о здоровье и развитии малыша, и мать стремится разделить эти чувства тревоги, свои фантазии о будущем ребенке с его отцом. Это требует повышенной эмоциональной включенности отца. Более того, после рождения младенца он вынужден делиться женой с новорожденным. Это не всегда легко, так как рождение ребенка непременно вызывает у обоих родителей чувства, идущие из их собственных более ранних стадий развития.

В тех случаях, когда отец неожиданно для себя обнаруживает, что не справляется со своей новой ролью, при ближайшем рассмотрении чаще всего выявляется скрытая тема соперничества. Так, ребенок может быть для отца, например, репрезентацией своего младшего сиблинга, который в свое время оттеснил его от матери. Или собственного отца, который в свое время встал на его пути сближения с матерью. Или «более удачливого любовника» своей жены, поскольку мать всецело отдает себя младенцу. Теоретически, в идеале зрелый отец уже справился с такими чувствами и способен приветствовать своего ребенка. Он не видит ребенка как своего соперника или как свое нарциссическое продолжение. Скорее, он видит его как уникального человека со своими собственными правами, который будет его продолжением в следующих поколениях.

Родители пациентки не были доступны для нее в раннем детстве, но и позже, воссоединившись с дочерью, не были способны дать ребенку пространство для ее собственных чувств и желаний.

Симбиотическая фаза (от рождения до 12 месяцев). С самого начала симбиотической фазы отец играет роль доступной замены матери, которая является главным заботящимся родителем. Зрелый отец идентифицирует себя с заботящейся матерью и может общаться с ребенком, кормя ребенка из бутылочки или переодевая его сходным с матерью образом. Это движение ребенка к кому-то еще, кроме матери, в недалеком будущем смягчит хорошо известную специалистам тревогу восьмимесячного ребенка перед незнакомцами, потому что ребенок уже знаком с отцом и создал с ним прочные связи. Психоналитики знают, что симбиотическая фаза является основой для формирования способности строить отношения с людьми. Шпиц, как и многие другие психоналитики, рассматривает эту фазу как первый опыт любовных и любящих отношений с матерью [12]. Если по каким-то причинам мать эмоционально недоступна и не может поддерживать необходимый уровень симбиоза, тогда присутствие отца, если он способен восполнить этот материнский дефицит, поможет ребенку развить чувство единства с кем-то другим. А это является жизненно необходимым для формирования ощущения связи с другими людьми в будущем.

У пациентки не было возможности сформировать прочные связи с матерью в связи с тем, что первые годы жизни она провела с молчащей бабуш-

кой. Интересно, что воспоминания родителей о ее раннем детстве сильно расходятся. Отец также не смог возместить этот дефицит эмоциональной связи с матерью, поскольку он взял на себя строго «отцовскую» функцию: обучение ребенка музыке. Тем не менее, девочка в своем воображении создала картину идеальной матери, хотя позже она пересмотрела этот образ и разочаровалась в матери. Эта двойственность образа матери — «великая и ужасная» — прослеживается и в терапевтических отношениях пациентки с аналитиком.

Фигура отца также стала очень амбивалентной для пациентки, так как она чувствовала глубокое сострадание по отношению к нему, но при этом очень боялась его. В процессе анализа к ней пришли воспоминания о том, что когда во время домашних уроков он кричал на нее и требовал от ребенка невозможного, она боялась, что «сойдет с ума». Возможно, это фантазия материализовалась именно в ее первом психотическом эпизоде. О «материализации фантазий» очень ярко писал еще Ференци [5]. Здесь мы ясно видим эмоциогенную и травматическую природу симптома, который внешне выглядит психотическим.

Обе роли отца — и как фигуры, замещающей материнскую фигуру, и как собственно отца — позволяют начаться процессу дифференциации ребенка от матери. Это прелюдия к последующим фазам индивидуализации и сепарации, обнаруженным и описанным в широко известных исследованиях Малер [11]. Она показала, насколько сильными являются симбиотические связи с матерью. Эти связи, при всей своей изначальной необходимости, позже ставят развитие ребенка под угрозу. Зрелая эмпатичная мать, настроенная на своего растущего ребенка, способна предвидеть следующий шаг в его развитии и способствует прохождению ребенка через трудности новой для него фазы. Только тогда ребенок может действительно достичь этой следующей фазы. Однако когда мать сама эмоционально зависима, перегружена, утомлена или подавлена, она невольно обращается к ребенку как к кому-то, с кем она может совместно регрессировать и кто может утешить ее. В таком состоянии она уже не замечает столь естественного побуждения ребенка к росту и может бессознательно пытаться продлить симбиотическую фазу. В такие моменты присутствие отца совершенно необходимо, чтобы вмешаться в эту симбиотическую связь и спасти ребенка от поглощения матерью. Он может разными способами напоминать матери и ребенку, что такое ее поведение неприемлемо и вредно.

В жизни данной пациентки такое вмешательство отца произошло только на уровне внешних достижений ребенка, а именно — в обучении музыке. В какой-то мере это спасло девочку от тотального использования эмоционально доминирующей и нуждающейся матерью. У матери и отца, по некоторым свидетельствам пациентки, существовала сильная эмоци-

ональная связь. Например, у них был общий блестящий круг общения, который был очень важен для них; девочка знала, что во время уикендов у родителей наступает интенсивная сексуальная жизнь (она догадывалась об этом по тому, настолько более счастливой выглядела мать в воскресные утра). Однако этот единственный ребенок в семье не чувствовал себя исключенным в отношении родителей, поэтому ей трудно было формировать отношения и с ними, а также позже — со сверстниками и коллегами. Этот момент ее видимого для других одиночества и некоторой обособленности остается характерным для ее поведения.

Если отец пассивен или отсутствует, мать не ограничена в своих попытках использовать ребенка как источник своего комфорта, и это становится преградой на пути процессов дифференциации и сепарации от нее. Хани напоминает нам, что пациенты, находящиеся очень долго в анализе, годами борются с этой трудностью сепарации от аналитика, который представляет для них именно такую мать в переносе. Детская история таких пациентов показывает, что в одних случаях их мать была склонна соблазнять их к тому, чтобы оставаться с ней вместо того, чтобы отправлять играть или, например, улаживать свои детские споры с друзьями. В других внешне похожих случаях ребенок в детстве идентифицировал себя с отсутствующим отцом, и поэтому позже он стремится каким-то образом заполнить эту пустоту. Другими словами, пассивность отца, его отсутствие или утрата лишают ребенка жизненно важной возможности освободиться от столь привлекательного цепляния за мать вместо того, чтобы учиться отделяться от нее.

У пациентки это естественное желание девочки идентифицироваться с матерью, их глубокая, хотя и противоречивая, амбивалентная связь проявляется только в ее снах. В ее внешней жизни ей трудно строить отношения с женщинами, а в процессе психоанализа — с женщиной-психоаналитиком.

В процессе сепарации от матери ребенок движется от дифференциации к следующей фазе — практикования, затем к третьей фазе — сближения и затем к четвертой фазе — консолидации индивидуальности. Все эти фазы являются залогом начала формирования эмоционального постоянства объекта.

Фаза практикования (13—18 месяцев). В ходе фазы практикования ребенок (*toddler* — ребенок, начинающий ходить) способен удаляться от матери, уползая или уходя от нее, получая, таким образом, удовольствие от ощущения своих развивающихся способностей делать что-то новое. Эго-функции ребенка этого возраста бурно развиваются, и ребенок с наслаждением обнаруживает свои новые способности независимо от взрослых исследовать мир, манипулировать предметами и людьми, играть самому. Гринэйкр описала это как влюбленность ребенка в мир [6]. Этот безусловно здоровый нарциссизм является источником на-

слаждения и восторга и для родителей. Так, зрелая мать поддерживает тенденции ребенка к независимости и в то же время остается достаточно доступной для него, если ребенку вдруг хочется к ней вернуться, потому что он внезапно почувствовал острое одиночество и поэтому торопится к матери за так называемой «дозаправкой» (refueling). Отец тоже является этим источником «дозаправки», но он делает это несколькими иным путем, давая ребенку узнать новые возможности в отношениях. Он обычно более активен физически в играх с ребенком и поощряет расширение сфер активности ребенка. Такие интенсивные игры отца делают его фигуру более ясной в глазах ребенка, а также они показывают отличие отца от матери, что помогает ребенку дифференцироваться от нее. Гринэйкр подчеркивает важность мышечной активности отца в играх с ребенком, например, ношение ребенка на плечах (чего матери, заметьте, почти никогда не делают). Она пишет, что в таких играх кроме размытого телесного эротизма есть чувство развивающегося Эго, потому что ребенок лучше ощущает свое телесное Я и развивает способность исследовать пространство. Идентификация своих собственных движений с движениями отца может быть очень сильной, и тогда у ребенка может возникать временная фантазия, что он очень большой и активный, и это дает важное и сильное ощущение восторга. Также, несмотря на вновь и вновь приходящее к ребенку чувство, что он все-таки все еще маленький, он может поверить в свой постоянный физический и психологический рост: да, он маленький, но он растет. В целом, дети обоих полов, видимо, наслаждаются такими физическими играми с отцом, в то время как с матерью они обычно играют в прятки, таким образом, упражняясь в отделении от нее.

Отец пациентки был физически довольно отстранен от ребенка. В области чувственных отношений с отцом мать, безусловно, победила дочь, поскольку она была более эмоционально и физически близка к мужу, чем дочь к отцу. В целом, ее семейная ситуация выглядит так, как будто она была нужна родителям как «удобный» ребенок, поддерживающий их статус в обществе. Однако именно в области музыки девочка могла чувствовать, что она близка отцу несмотря на его садистическое поведение во время домашних уроков. Ее муки во время домашних уроков были платой за его внимание и близость. Отец «вкладывался» в ребенка, даже если его бессознательные мотивы были центрированы на самом себе, даже если это было его отреагирование своей собственной травмы. Неудивительно, что ее первые и главные любовные отношения во взрослой жизни с ее будущим мужем были обречены на острую амбивалентность. Ее глубокое уважение и благодарность мужу сопровождаются мощным подавлением собственной агрессии, которая в итоге, накапливаясь, вырывается в ее двух приступах, происшедших уже в браке, после переезда в Лондон. Ее фобические симптомы —

страх нападения, например, — скорее всего, являются ее собственными инверсированными агрессивными импульсами. Материал сновидений также показывает ее сложные отношения с любовью, агрессией и смертью.

Заметим, что в своих сексуальных отношениях с мужем пациентка была очень пассивна и заторможена. Второй приступ, уже контролируемый ею, произошел сразу после перерыва в анализе на рождественские каникулы и возвращения мужа из турне.

Фаза сближения—удаления (rapprochement: 18 месяцев — 3 года). На фазе сближения—удаления ребенок продолжает свои попытки отделения от матери уже более активным способом, и мать уже не пассивный источник для «дозаправки» ребенка. Теперь ребенку особенно важно создавать и расширять свой социальный мир и подтверждать свою автономность. Он часто кажется даже негативно настроенным по отношению к матери. Продолжение развития и избежание опасности регресса к симбиотической стадии могут быть преодолены только с помощью отца, который является союзником в этой борьбе ребенка за свою автономность. В этот период ребенок особенно подчеркивает отличия отца от матери, что неоднократно подтверждала Малер.

Абелин описал на примере клинического случая Мишеля эту важную роль отца в ранней триангуляции психического мира ребенка [2]. Фаза сближения—удаления характеризуется своей глубокой противоречивостью, проявляющейся в кажущейся непоследовательности и хаотичности поведения ребенка. Абелин ярко описывает свои наблюдения за поведением Мишеля: ребенок может то прыгнуть в кровать между родителями, потом начать отталкивать мать, потом соединять руки родителей, потом уступать место в постели одному из родителей и т. д. Все эти организованные ребенком игры показывают сложную психическую борьбу за то, чтобы удовлетворить свои разнообразные потребности: взаимодействовать с каждым родителем отдельно и в то же время одновременно, чтобы почувствовать их единство как любящей пары.

Присутствие отца является крайне важным как для мальчика, так и для девочки, для того, чтобы научиться существовать в этом треугольнике, что в дальнейшем облегчает прохождение ребенком следующих стадий развития.

В отличие от идеальной картины семейных отношений, предлагаемых теорией, ощущение единства родительской пары сформировалось у пациентки только в области наказаний и родительских предписаний. Оба родителя в один голос говорили ей, например, что «жизнь тебя накажет», если девочка не будет усердно заниматься. Тем не менее, мы можем увидеть проявление этой не вполне благополучно пройденной фазы в попытках пациентки уже во время анализа с новыми силами обращаться к родителям с вопросами о деталях ее детства, фактах семейной истории. Она подумывает

о возможности возвращения с мужем на ее родину, в Бразилию. (Заметим, что спустя два года после окончания анализа пациентка по собственной инициативе написала психоаналитику письмо, где благодарила за проведенное лечение и сообщала, что они с мужем переехали в Бразилию. Это письмо само по себе также может рассматриваться как импульс попытки сближения после ухода из отношений.)

Консолидация индивидуальности и эмоциональное постоянство объекта. К возрасту примерно трех лет при благополучном развитии событий ребенок уже формирует внутреннюю репрезентацию достаточно хороших матери и отца и вследствие этого способен отделять себя физически от них и не тревожиться об этом отделении. Теперь этот внутренний объект характеризуется постоянством. Отец начинает играть все большую роль в помощи ребенку развивать свою социальную, учебную и личную жизнь. Отец также играет важную роль в движении ребенка по таким линиям развития, как нарциссизм и агрессия.

Нарциссизм начинается с первоначального чувства собственной грандиозности и всемогущества, проистекающих из слияния ребенка с всеильной симбиотической матерью. Разумеется, мать, которая способна эмпатически отражать ребенка, усиливает развитие его Я. Отец, вводя законы в отношения ребенка и матери, помогает ребенку увидеть ограничения своей позиции всемогущества. Ловальд в своей статье «Эго и Реальность» пишет о том, что страх ребенка перед ограничивающей, кастрирующей функцией отца делает отца источником внешней опасности, и в тоже время отец — это родитель, к которому ребенок обращается за защитой [10]. Именно потребность в отцовской защите побуждает ребенка формировать близкие отношения с отцом и идентифицироваться с его силой и ценностями. Эта идентификация помогает консолидировать и стабилизировать чувства себя как уникального человека, имеющего право на то, чтобы быть своеобразным. В противоположном случае, когда отец разочарован в себе и относится к своему ребенку как к собственному расширению и продолжению, ожидая, что ребенок сделает то, что не смог сам отец, собственное Я у ребенка остается слабым, поврежденным, фрагментарным.

Эта часть теории достаточно точно описывает судьбу пациентки, которая была обречена стать нарциссическим продолжением отца, не получая при этом поддержку и защиту от матери. Тем не менее, эта насильственная, вынужденная идентификация сформировала яркую, интересную, хотя при этом бесконечно страдающую личность.

Агрессия. Первые семь месяцев жизни ребенка характеризуются тем, что мать и младенец развивают свою взаимную настройку друг на друга; хорошие и плохие стороны матери объединяются в некий целостный образ. Для формирования этого целостного образа ребенку нужно на-

учиться объединять чувства любви к матери с его же чувствами гнева и порой ненависти к матери. Отец является важным помогающим звеном в этом процессе. Пользуясь своим авторитетом, он помогает модулировать, регулировать импульсы ребенка, в том числе слишком сильные агрессивные импульсы. Отсутствие отца или его обесценивание, обесценивание матерью приводит к тому, что ребенок не научается тому, как обращаться со своей агрессивностью.

Херzog в своей статье «Голод по отцу и нарциссическая деформация» указывает на то, что развитие у ребенка нарциссизма и агрессии обусловлено двумя вещами: внутренней репрезентацией матери и отца как пары и установкой матери по отношению к отцу [8]. Ранее об этой второй составляющей — а именно, о символической роли Имени Отца в развитии ребенка, писали Лакан, Дяткин [9; 4].

В процессе анализа аналитик часто становится не только объектом переноса, но и частично реальным объектом для идентификации пациента, заменяющим, замещающим, восполняющим неадекватного родителя.

Развивая мысль Винникотта о том, что нет такого явления, как младенец (помысленного без матери), Хани говорит о том, что для ребенка нет отца без матери [7]. Ребенок развивает внутреннюю репрезентацию родителей и как двух отдельных фигур, и как двух людей вместе. Если пара родителей живет в гармонии, то любая ошибка одного компенсируется, исправляется другим. Подобное активное присутствие и доступность для ребенка родителей как пары обеспечивает его необходимой средой для роста и развития, и тогда в будущем такой ребенок становится более полноценным взрослым и родителем и может передавать свой ценный опыт последующим поколениям.

Видимо, чтобы уменьшить боль, причиненную ей в семье, где она росла, пациентка бессознательно реконструирует отношения с отцом, но в его улучшенном варианте в собственной семейной жизни. Эта реконструкция на данный момент кажется более или менее успешной: супруги очень близки друг другу, муж оберегает жену, жена восхищается мужем. Какие-то вещи пациентка пытается сделать иным образом, не так, как было в ее семье. Тем не менее, базовая модель отношений остается похожей на отношения с отцом. Страх, вина, растерянность, бессилие присутствуют в жизни пациентки, хотя теперь она готова осознавать это и контактировать с этим. Ее способность к интроспекции очень высока. Ее сны и фантазии указывают на способность к символизации и ментализации своей внутренней психической жизни.

Заметим, что пациентка способна получать глубокое интеллектуальное удовлетворение от чтения книг, ведения дневников, наблюдений и самонаблюдения. Обратимся к той части психоаналитической теории, которая говорит о роли отца в развитии мышления ребенка.

Сложность представленного случая и несомненность прогрессивной динамики пациентки в терапии вызывает дальнейшие размышления о роли психоанализа и психоаналитика как отцовской фигуры в развитии личности пациентов. В работе «Ребенок, семья и окружающий мир» Винникотт сравнил аналитические отношения с материнской заботой [14]. Было бы неразумно спорить с этим утверждением, поскольку каждый психотерапевт знаком с этой своей функцией и находится в контакте с материнской «кормящей» частью в себе. Однако только ли это?

Уорд высказал идею о том, что более объемным является понимание аналитической ситуации как треугольной по природе [13]. Такой взгляд неминуемо вызывает интерес к месту отцов и отцовской заботы в анализе.

Дэвис и Игл считают, что то, что в психоаналитической литературе называют отцовской функцией, можно скорее понимать как набор функций, состоящий, по меньшей мере, из четырех взаимосвязанных параметров.

1. Функция сепарации по отношению к ранним симбиотическим отношениям между матерью и младенцем.

2. Функция, стимулирующая способность думать через введение опыта триангуляции.

3. Функция фасилитации регуляции аффекта и способности выносить фрустрацию.

4. Функция, обеспечивающая безопасность за счет того, чтобы быть реципиентом враждебных чувств младенца вместо матери или иного «хорошего объекта» [3].

Все эти отцовские функции, считают авторы, необходимы для формирования здоровой и зрелой психики.

Психотический эпизод, послуживший одной из главных причин прихода пациентки в терапию, свидетельствует о том, что пациентка пока не смогла в достаточной мере решить задачи развития, связанные с отцовскими функциями. Отец был жесток с ней (поэтому — «Паганини»), думал не о ребенке, а о ее (своем?) будущем; мать игнорировала чувства ребенка и в то же время использовала дочь эмоционально.

В случае пациентки наблюдается отсутствие «эмоционального щита» как со стороны нестабильного садистического отца, так и со стороны нарциссической матери.

Подавленная, но нерегулируемая агрессия пациентки (ее ранние сны) чередуется с состоянием полусмерти (замороженности, закованности) или собственной гибели. Ее анакликтический выбор объекта (мужа как улучшенную версию трудного, но чем-то близкого отца) дал ей на время новый «щит».

В случае пациентки ее поиск спасения от нарциссической, «пустой» матери путем обращения к отцу почти не дал желаемого результата; ее отец не был достаточно зрелым человеком для выполнения этой задачи, а насиль-

ственная, навязанная сублимация привела к ослаблению влечений у пациентки. Внутренний конфликт не разрешился, но был замаскирован сверхадаптациями пациентки к требованиям реальности. Ее вопрос «Что остается у ребенка?» в ее случае имеет трагический ответ: «нарциссический, идеализированный отец отбирает у ребенка все, включая иногда его жизнь».

Однако психоаналитический процесс в силу своего ненарциссического измерения дает возможность пациенту начать видеть свое собственное, хотя и поначалу незнакомое, психическое пространство, где он может существовать в своем собственном времени и создавать, исследовать и изменять это. Собственно, она это и говорит: «Улла (персонаж сна, символизировавший психоаналитика) делала что-то такое, что я чувствовала, что я существую. Больше никто».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129—145. doi.org/10.17759/cpp.2018260109
2. Abelin E. Some further observations and comments on the earliest role of the father // International Journal of Psychoanalysis. 1975. Vol. 56. P. 293—302.
3. Davies N., Eagle G. Conceptualizing the Paternal Function: Maleness, Masculinity, or Thirdness? // Contemporary Psychoanalysis. 2013. Vol. 49 (4). P. 559—585. doi: 10.1080/00107530.2013.10779264
4. Diatkine G. Lacan // International Journal of Psychoanalysis. 2007. Vol. 88, № 3. P. 643—660. doi:10.1516/F2R2-2204-1427-3J23
5. Ferenczi S. Letter from Sándor Ferenczi to Sigmund Freud, February 15, 1918 // The Correspondence of Sigmund Freud and Sándor Ferenczi. Vol. 2: 1914—1919 / E. Falzeder, E. Brabant (eds.). Cambridge, MA: Belknap Press, 1996. P. 263—264.
6. Greenacre P. Emotional growth: Psychoanalytic studies of the gifted and a great variety of other individuals. Vol. 2. NY: International Universities Press, 1971. 234 p.
7. Hani A.G. Capacity for Sublimation Liberated and Developed in the Termination Phase: Clinical Illustration and Theoretical Discussion // Canadian Journal of Psychoanalysis. 1999. Vol. 7 (1). P. 79—96.
8. Herzog J.M. Father hunger and narcissistic deformation // The Psychoanalytic Quarterly. 2004. Vol. 73 (4). P. 893—914. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00187.x
9. Lacan J. Des Noms-du-Père. Paris: Le Seuil, 2005. 108 p.
10. Loewald H. Ego and reality // International Journal Psychoanal. 1951. Vol. 32. P. 10—18.
11. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. The psychological birth of the human infant symbiosis and individuation. New York: Basic Books, 1975. 308 p.
12. Spitz R.A. Anxiety in infancy: a study of its manifestations in the first year of life // International Journal of Psychoanalysis. 1950. Vol. 31. P. 138—143.
13. Ward I. The importance of fathers: A psychoanalytic re-evaluation // Psychoanalysis & History. 2004. Vol. 6 (1). P. 107—116. doi:10.3366/pah.2004.6.1.107
14. Winnicott D.W. The child, the family, and the outside world. Reading, MA: Da Capo Press, 1987. 256 p.

“FATHERS AND CHILDREN”: PSYCHODYNAMIC VIEW ON FATHER’S ROLE IN CHILD’S DEVELOPMENT

M.A. GULINA*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, CITY University,
London, United Kingdom,
marinagulina@mail.ru

N.L. VASILYEVA**,

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
ninavasilyeva@yandex.ru

We analyze the father’s role in child development and present psychodynamic view on the stages of child development. A clinical case and history of psychoanalytic treatment are presented. A number of modern theoretical views on a father’s role in child development are integrated into clinical material. We consider the functions and features of the father’s role in the symbiotic, practicing and rapprochement phases of child development. The phenomenon of the alienated (forced) identification is outlined, and its potential consequences are analyzed. We emphasize the role of parents as a couple at the Oedipal stage and draw out the prerequisites of psychologically healthy fatherhood stemming both from the father’s personality and from the couple’s dynamics.

Keywords: early triangulation, separation, paternal function, maternal deprivation, mentalization, alienated identification, narcissistic parent.

REFERENCES

1. Gulina M.A. Ipostasi i transformatsii obraza ottsa v psikhoanalize [Hypostases and Transformations of the Concept of the Father in Psychoanalysis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2018. Vol. 26 (1), pp. 129—145. doi:10.17759/cpp.2018260109. (In Russ., abstr. in Engl.)

For citation:

Gulina M.A., Vasilyeva N.L. “Fathers and Children”: Psychodynamic View on Father’s Role in Child’s Development. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 151—168. doi: 10.17759/cpp.2018260410. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Gulina Marina Anatolievna*, Doctor in Psychology, Professor, Psychological Methodology Chair, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Professor, School of Arts and Social Sciences, Department of Psychology, CITY University, London, United Kingdom, e-mail: marinagulina@mail.ru

** *Vasilyeva Nina Leonidovna*, Doctor in Psychology, Professor, Child and Parent Mental Health and Early Intervention Chair, Department of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: ninavasilyeva@yandex.ru

2. Abelin E. Some further observations and comments on the earliest role of the father. *International Journal of Psychoanalysis*, 1975. Vol. 56, pp. 293—302.
3. Davies N., Eagle G. Conceptualizing the Paternal Function: Maleness, Masculinity, or Thirdness? *Contemporary Psychoanalysis*, 2013. Vol. 49 (4), pp. 559—585. doi:10.1080/00107530.2013.10779264
4. Diatkine G. Lacan. *International Journal of Psychoanalysis*, 2007. Vol. 88 (3), pp. 643—660. doi:10.1516/F2R2-2204-1427-3J23
5. Ferenczi S. Letter from Sándor Ferenczi to Sigmund Freud, February 15, 1918. In E. Falzeder, E. Brabant (eds.). *The Correspondence of Sigmund Freud and Sándor Ferenczi. Vol. 2: 1914—1919*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1996, pp. 263—264.
6. Greenacre P. Emotional Growth: Psychoanalytic Studies of the Gifted and a Great Variety of Other Individuals. Vol. 2. New York: International Universities Press, 1971. 234 p.
7. Hani A.G. Capacity for sublimation liberated and developed in the termination phase: clinical illustration and theoretical discussion. *Canadian Journal of Psychoanalysis*, 1999. Vol. 7 (1), pp. 79—96.
8. Herzog J.M. Father hunger and narcissistic deformation. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (4), pp. 893—914. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00187.x
9. Lacan J. *Des Noms-du-Père*. Paris: Le Seuil, 2005. 108 p.
10. Loewald H. Ego and reality. *International Journal of Psychoanalysis*, 1951. Vol. 32, pp. 10—18.
11. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. The psychological birth of the human infant symbiosis and individuation. New York: Basic Books, 1975. 308 p.
12. Spitz R.A. Anxiety in infancy: a study of its manifestations in the first year of life. *International Journal of Psychoanalysis*, 1950. Vol. 31, pp. 138—143.
13. Ward I. The importance of fathers: A psychoanalytic re-evaluation. *Psychoanalysis & History*, 2004. Vol. 6 (1), pp. 107—116. doi:10.3366/pah.2004.6.1.107
14. Winnicott D.W. The child, the family, and the outside world. Reading, MA: Da Capo Press, 1987. 256 p.